

Я ВЕРНУЛСЯ...

ЕЛЕНА ТОЛСТОВА
Родилась на Нольском полуострове на границе с Финляндией в городе Новдоре. В 1995 году с успехом окончила отделение русского языка и литературы филологического факультета Санкт-

Петербургского университета. Пятнадцать лет проработала компьютерным инженером в компании «Майнрософт» и стартапах Кремниевой долины, пять лет — помощником юриста в сфере бизнеса и компьютерных технологий.

Литературным творчеством занимается давно, но раньше писала в стол, для себя. Пишет рассказы и романы для подростков и янг-эдалт. Участница курса BAND «Нак писать прозу. Искусство истории».

«Мне отмщение и аз воздам».

Я вернулся домой. Не так я себе представлял нашу встречу.

Никогда не забуду эти страшные черные глаза! Мне хотелось убежать от этого взгляда, но парализующий страх поселился в моем теле. От них некуда было спрятаться, они с детства наблюдали за мной.

В пять лет отец учил меня плавать. Мы тогда отдыхали под Одессой. Рано утром вышли на лодке в море, доплыли до каменной косы, там бросили якорь и разложили удочки. В лодке я сидел на скамейке рядом с отцом. Он сгреб меня в охапку и бросил в воду подальше. Затем наблюдал за мной. Судорожно вдыхая воздух вперемешку с водой, я плыл к лодке. Его лицо было искажено солеными каплями. Я отражался в его черных непроницаемых очках. Когда я подплыл, он за руку с силой выдернул меня из воды. Я вскрикнул, рука после этого долго болела.

— Я хочу, чтобы он стал настоящим мужиком, а не нытиком, — объяснял он матери.

В то лето я научился неплохо плавать, но стал бояться воды — начинал задыхаться. По ночам мне снились черные очки и я, барахтающийся в каждом из пластиковых стекол. Я поджимал колени к подбородку и так засыпал.

Однажды, когда мы на мопеде возвращались с рыбалки, я, как тук, свалился с заднего сиденья —

подскочили на кочке. Отец не заметил, что потерял меня. Я лежал на дороге и смотрел на облако пыли до тех пор, пока мопед не исчез вдали.

Когда он вернулся за мной, я уже дошел до развилки, ведущей к нашей даче. Мне пришлось долго ковылять по пустынной дороге: я ушиб левое колено, моя левая рука опухла и сильно болела. Мне было восемь лет, и я был очень одинок.

— Что ты разнюнился, щенок? — Страшные черные глаза глянули на меня так, что всхлипы застряли в горле.

После этого я никогда не плакал. Рука оказалась сломана — она долго и плохо срасталась. Отец долго не верил, что рука болит, считал, что я притворяюсь, чтобы меня пожалели.

Страшный взгляд черных глаз — с тех пор я часто видел эти глаза по ночам. Тогда я кричал и просыпался от ужаса.

Отец был известным хирургом, его часто не было дома, он работал сутками в нескольких больницах и стационарах города. Я записался в кружок игры на гитаре в Доме пионеров. Когда отец узнал об этом, он сказал матери:

— Я не позволю, чтобы мой сын стал музыкантом. Он будет врачом, пойдет по моим стопам.

— Петр, но он такой музыкальный, талантливый... у него абсолютный слух. — Мама пыталась убедить отца.

- Не порть мне сына. Музыкант – это не профессия. Ему нужна настоящая мужская специальность. Я решил! Он будет поступать в медицинский.

Мама дала денег на гитару, остальные я сэкономил на школьных обедах. Приходилось прятать ее под кроватью и играть, пока отца не было дома. Мама всегда поддерживала меня, она считала, что музыка – это мое призвание. Она часто пела, когда отец был на работе и мы оставались с ней вдвоем. Она же, когда я был маленьким, обнаружила, что я синестетик, то есть вижу музыку в цвете, как Скрябин или Сибелиус.

- Со-о-оль, – пела мама, и нота звенела в полумрачной комнате.
- Нота соль золотистая, как солнце. – Я любил играть с нотами.
- А эта? Ре-е-е. – Звуки разлились синими волнами.
- А ре – море, поэтому она синяя, как море.
- Удивительно! Почему они цветные? Ты их правда видишь... эти звуки?
- Мама, это же очень просто. У каждого звука есть свой цвет, и когда играет музыка, я вижу картинки и кино.

Когда я подросток, я научился настраивать гитару, натягивать струны, подпиливать лады и менять колки. Я играл часами, как только выдавалась возможность. Музыка стала моей вселенной.

Зная, что в понедельник отец задерживается на работе допоздна, я бежал из школы домой, предвкушая, как я подготовлю гитару и проиграю выученную на прошлой неделе композицию. Все выходные я с нетерпением ждал этого момента. Из серванта достал спирт и ватные тампоны, которые отец таскал из больницы; не спеша поменял и почистил струны. Композицию «Кашмир» группы «Лед Зеппелин» я услышал у ребят из гитарного кружка, и мы выучили ее вместе с преподавателем. И вот я погрузился в мелодию, не замечая лопнувшие на пальцах мозоли и окровавленные ладони. Музыка унесла меня: жар бесконечной дороги, движение каравана по песчаным барханам экзотической страны.

Я не заметил, когда неожиданно рано вернулся с работы отец. В тот день на операционном столе умер его пациент. Я очнулся, когда отец в ярости ворвался в комнату, выхватил из моих рук гитару и, схватив со стола кусачки, перекусил струны. От каждой порванной струны гитара вскрикивала, словно живое существо. Она страдала от боли и несправедливости.

- Не смей... отдай. – Я вскочил со стула, бросился к нему и крикнул в темноту страшных глаз.

Он замахнулся на меня гитарой с оборванными струнами.

- Ты...ты... вор и бездельник! Ты никогда не станешь музыкантом! Я так сказал! – бушевал отец.
- Ты можешь убить меня, но не смей унижать. – Я подставил ему голову под удар и, глядя в его глаза, прошептал: – Бей.

Он судорожно вздохнул, будто захлебнулся гневом, бросил гитару на пол и молча вышел из комнаты, хлопнув дверью в задрожавшие от боли стены.

Я стремился убежать от этих глаз, пугающих чернотой и выворачивающих наизнанку. После окончания школы ушел из дома, устроился работать на завод, а осенью меня уже призвали в армию. Я не дослужил до окончания срока, меня забрали домой – долго везли по песчаным барханам бесконечной дороги.

Когда я вернулся, отец стоял у закрытого гроба в большом актовом зале школы, где я учился. Он держал руку на крышке, у изголовья. Вокруг гроба и на рояле стояли и лежали венки и цветы – море цветов. В зале было много народа: мама в черном, мои учителя, военком, какие-то незнакомые мне люди.

Не так я представлял себе нашу встречу. Я прошел между людьми и остановился напротив отца. Страх не было – черные глаза больше не пугали меня. Я всматривался в потемневшее от горя лицо и не узнавал его. Он стоял над гробом: седой, сгорбленный старик. Прямо на меня смотрели его серые, затуманенные тоской глаза. Мне показалось, что он меня увидел. Первый раз в жизни я не испугался, а почувствовал тепло его руки на моей стриженной голове.

- Я обнял его за плечи, внутри него все клокотало.
- Здравствуй, отец! Я вернулся!

Мне показалось, что он меня услышал.

